

ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКИ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ РЕЧИ)

Аннотация: Статья посвящена характеристике сложившихся в русистике подходов к исследованию образных номинаций, в частности, передающих семантику речи, в народных говорах. На примере диалектных словоупотреблений показываются наиболее часто маркируемые и, как следствие, значимые признаки, характеризующие речь. Доказывается продуктивность компонентного анализа семантики образных номинаций как для описания репрезентации ключевых метафорических образов, моделирующих речь, в лексике народных говоров, так и для обоснования системности диалектной лексики русского языка.

Ключевые слова: речь; русские народные говоры; диалектная лексика; семантика; метафора; языковая картина мира.

Языкознание начала XXI века нацелено на изучение языка в его связи с человеком, особенностями освоения им окружающего мира и познанием самого себя. Особенно пристальное внимание лингвистов привлечено к изучению языковых фактов, отражающих специфику диалектной картины мира (ДКМ), понимаемой как «территориальный вариант национального образа мира, отражённый в совокупности коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций диалектного сообщества» [Демидова, 2014, с. 35]. На общенациональном фоне ДКМ сохраняет определённую специфику, исторически обусловленную как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами: сохранявшаяся долгое время обособленность деревни от города, архаичный, мифологический характер миропонимания, преобладание чувственно-эмоционального типа восприятия мира и др. [Радченко, Закуткина, 2004, с. 25].

Наиболее важным в этом отношении объектом оказываются лексические средства выражения образа человека в ДКМ. Исследователями отмечается большое число наименований, выражающих всестороннюю характеристику человека, его внешнего обли-

ка, интеллекта, характера, поведения, социальных свойств, тяготение лексики русских народных говоров к прозрачности внутренней формы и ярко выраженной оценочности значения [Ибрагимова, Курбангалеева, 1998, с. 150].

Одним из важнейших параметров характеристики человека в русской языковой (в том числе диалектной) картине мира является *речь*. Внимание диалектоносителей акцентируется не только на акустико-физиологических свойствах говорения, но и на логической организации и смысловой наполненности речи, элементах коммуникативного процесса — порождении речи, особенностях коммуникативного поведения говорящего, взаимодействии участников речевого общения. Актуализация этих признаков важна для оценки нравственного облика человека, его поведения в социуме. Как отмечает Т.И. Вендина, способность человека соответствовать нормам традиционной морали представляется важнейшим критерием к социальной характеристике человека [Вендина, 2011, с. 27].

Многоаспектностью речи как денотата обусловлено большое количество лексических единиц, её именующих: выборка из выпусков 1–49¹ Словаря русских народных говоров (СРНГ), включающего диалектные и диалектно-просторечные, не фиксируемые нормативными словарями слова и фразеологизмы, объединяемые нами в ЛСП «Речь» и определяемые как лексические единицы (ЛЕ), насчитывает 4115 наименований (3440 лексем и 675 фразеологизмов). Большое количество наименований речи свидетельствует о высокой значимости её оценки для характеристики человека как социальной единицы.

Конституенты ЛСП «Речь» обнаруживают широкий спектр дифференциальных признаков. Так, в нашей работе [Баженов, 2019], посвящённой семасиологическому исследованию не представленных в литературном языке диалектных наименований в составе ЛСП «Речь», выделяется 18 микрополей, которые разделены на три группы: 1) обозначения, связанные с аспектом звучания речи; 2) обозначения, связанные со структурно-содержательным аспектом речи; 3) обозначения, связанные с коммуникативным аспектом речи [Там же, с. 54–140].

¹ На момент выполнения кандидатской диссертации, защита которой состоялась в апреле 2019 г., в нашем распоряжении оказалось лишь 49 выпусков СРНГ. На момент публикации настоящей статьи вышел 51 выпуск словаря.

ЛСП «Речь» представляет интерес для исследования воплощенных в диалектном слове отличительных черт национального миропонимания (сквозь призму диалектного социума) ещё и тем, что содержит немалую долю образных лексических единиц (ОЛЕ) – из общего количества проанализированных ЛЕ таких выявлено 26%. Образные номинации отличает метафорическая внутренняя форма, определяющая двуплановость их семантики [Блинова, Юрина, 2008, с. 5]. Метафорический образ представляет собой концепт, который регулярно воспроизводится при образовании метафор [Метафора и системность, 2016, с. 20].

Несмотря на возрастающий интерес учёных к исследованию метафорического моделирования в лексике народных говоров, работ, посвящённых этой проблеме, по-прежнему мало; наиболее активно это направление диалектологии разрабатывается томскими лингвистами [Ермоленкина, 2002; Юрина, 2004]. Специальному исследованию подвергается лексика отдельных говоров [Пюльзю, 2008; Галимова, 2010]. Исследованы лишь некоторые разделы диалектной лексики, например, образные наименования различных свойств и качеств человека [Яговцева, 2006; Сомова, 2014] и в основном конкретные метафорические модели. Так, проявления предметно-звуковой метафоры в одном русском говоре Карелии описываются в диссертации Г.А. Фадеева [Фадеев, 1986], исследованию зооморфной метафоры посвящена работа Ж.К. Гапоновой (ярославские говоры) [Гапонова, 2016]; фитоморфной метафоры – исследование Е.В. Колосько [Колосько, 2010] и др.

Особенностью изучения лексики русских говоров является то, что исследователь, как правило, располагает материалом, гораздо меньшим по объёму по сравнению с литературным языком. Выбор направления исследования ОЛЕ обуславливается задачами диалектной лексикологии, в частности, установлению мотивационных связей слов, изучению междиалектной полисемии. В связи с этим в исследованиях по диалектной лексикологии центральной единицей описания является лексическая единица, а не метафорический образ. Сказанное обуславливает актуальность применения к исследованию ОЛЕ когнитивно-семасиологического подхода, принципом которого является описание развёртывания образа в лексическом массиве, семантического наполнения образа и варьирования образной семантики, представление языковых реализаций конкретного образа как единой структуры [Юрина, 2004]. Такой подход, именуемый образоцентрическим [Метафора

и системность, 2016], обеспечивает наиболее полное и объективное представление о функционировании образа не столько в лексике отдельного говора, сколько в макросистеме всех диалектов (диалектном языке), позволяет выдвинуть объективные критерии системности лексики русских диалектов безотносительно к ареальной характеристике и типологической принадлежности конкретных ЛЕ, поскольку образ как когнитивная, а не лингвистическая категория реализует себя именно в диалектном языке.

Рассмотрим пример развёртывания метафорического образа в наименованиях речи и варьирования его семантики на примере предметно-звукового образа колокола, конкретно – колокольного звона. Набор ассоциативных связей этого образа как в литературном языке, так и в говорах очень широк. Так, ситуация речи может проецироваться на колокольный звон, тогда колокол выступает в первичном значении как субъект действия (*...в шесть пополудни Алексей Петрович представился, кончину царевича возвестил колокол.* Ю. Рыбаков²). Однако часто именно колокол подвергается метафорическому переосмыслению и проецируется на речь человека.

В наименованиях речи первичная семантика ЛЕ может выражать:

а) название предмета, ср.: общерус. *колокол*; диал. *колоко'л*, *колоко'ле'ц*, *балабо'лка*, *балабо'н*, *бо'тало*, *бря'кало*, *брекото'к* (*брякото'к*), *громоту'шка*;

б) звук, издаваемый колоколом (звон), ср.: общерус. *звонить*, *звенеть*, *бренчать* (о колокольчике); диал. *балабо'нить*, *брезгота'ть* (*брызгота'ть*), *брекота'ть* (*брякота'ть*), *бунча'ть*, *бу'хво'стить*, *дрезжене'ть*;

в) действие, производимое над предметом – удар, звон, ср.: общерус. *бить* (*ударять*) *в колокол* (*колокола*, *набат*), *трезвонить*, диал. *бласти'ть*, *звона'рить*.

Семантические вариации образа колокола как в литературном языке, так и в говорах многообразны. Так, ассоциации с колоколом прослеживаются в наименованиях, объединённых признаком 'громкость (речи)', ср.: диал. (вят.) *колоко'лить* 'говорить, болтать, слишком громко разговаривать' (ОСВГ); яросл. *как громоту'шка греметь* 'очень громко разговаривать' (где *громоту'шка* 'колокол',

² В настоящей статье примеры словоупотреблений в литературном языке взяты из Национального корпуса русского языка.

ЧРДФ)³ – *Что это он представляется? Шло языков развязанье; и – затарахтели; пошли колоколить; всем в уши забило настойчивым трахтом* (А. Белый). Но ассоциативные связи образа колокола со звучащей речью не исчерпываются только указанием на громкий голос – в числе других обозначаемых признаков **быстрый темп** речи, например: диал. (твер.) *колоко'лить* 'говорить быстро, не останавливаясь, тараторить', дон. *балабо'нить* – 2) 'говорить быстро и невнятно; быстро говорить, тараторить' (*Балабонить* – *эт часта разгаваривать. // Ни балабонь, толкам раскажы*), ср. *балабо'нить* – 1) 'издавать звенящий звук, звенеть' (*Колкал балабонить*) (СДГВО).

Даже при обозначении одной лишь внешней стороны речи семантика ЛЕ, отражающих образ колокольного звона, сильно варьируется: в одних случаях образ колокольного звона сопутствует обозначению говорения, трудного для восприятия; в других контекстах подчёркивается нарочитая **внятность, отчётливость произношения** звуков речи. Ср.: дон. *как ко'локол говорить* 'говорить чисто, внятно'⁴ (СРНГ) – *Кто «зачастил»? – оскорбился Кирилл. – Я пел нормально – как вроде в колокол бьют. Я же понимаю, что там не надо частить. Колокол, его ещё раскатать надо* (В. – Шукшин).

Акустико-коммуникативные признаки, проявляющиеся в контекстной семантике ЛЕ, и в литературном языке, и в говорах затрагивают речь во гневе, в том числе в ситуации **ссоры, брани**, ср.: диал. (новг.) *отзвони'ть, отрезво'нить* 'отругать кого-либо, сделать выговор'; арх. *колоко'литься, как колоко'лко* 'браниться, ругаться' (*Свекровка, как колоколко, колоколится, ругается*); перм. *бренча'ть* 'ворчать' (все примеры из СРНГ) – *Лапин продолжал греметь: – Откуда вы берётесь с вашей достоевичиной, господа винокуровы?..* (В. Аксёнов). Исследователями выявляется множество

³ Ср. реализацию предметно-звукового образа колокольчика в наименованиях маркирующих особенности голосового тембра (высокого, пронзительного), например, диал. (хакас.) *звонкий* 'громко говорящий' (СРНГ) – *Ещё сильнее они подозревали в том же Колонину мать, которая приезжала посреди недели на дачу без предупреждения, и её звонкий голос раздавался в сумерках, оглушая вечернюю тишину* (А. Варламов).

⁴ Ср. также диал. *бунча'ть* – 1) 'глухо звучать' (ср.: *Бунчит колокол*. Самар.), 2) 'говорить невнятно' (енис., перм., пенз., костром., алт., свердл., том.) (СРНГ).

иных разнообразных моделей метафоризации речи в ситуации конфликта, их описанию посвящены отдельные исследования (например, [Илюхина, Кириллова, 2012]).

Семы 'громкость', 'быстрый темп', актуализируемые посредством образа колокола, в проекции на коммуникативный аспект речевого общения маркируют **обильность, непрерывность речи, болтливость** говорящего субъекта, ср. диал. (новг.) *колоко'лить* 'говорить много и без толку, болтать' (*Это она ходит, колоколит, а ей некогда с ей калякать*), *ко'локол* 'тот, кто много говорит, болтун' (*Я колокол, колоколю, колокола не любят за язык, да что уж подедаешь. НОС*); олон. *звона'рить* 'вести долгие, пустые разговоры', смол. *в зво'ны бить* 'много и долго говорить о чём-либо' (*Ти было что, в звоны бьют*) (СРНГ); урал. *раззвя'каться* 'разболтаться, стать болтливым' (*Жорынька пьянёхонький пришёл, раззвякался. СРНГ*) – *Что-то Люба сегодня очень уж раздухарилась, колоколит и колоколит, накрывая на стол, прыгает, галдит, того и гляди чего-нибудь на ней из туго её облегающей одежды от резвости лопнет!..* (В. Астафьев).

Дальнейшее метафорическое переосмысление образа колокольного звона затрагивает коммуникативную ситуацию **неуместной речи**, в частности, когда говорящий разглашает то, что следовало держать в тайне, или публично распространяет лживую информацию о ком-либо, разносит **сплетни**. Ср. в следующих примерах: ворон. *во все звоны звонить, колоко'лить* в знач. 'сплетничать, распускать слухи о ком-, чем-либо; заниматься пересудами, судачить' (*У нас по рынкам, по рыночкам, / По всем городочкам, / У во все звоны звонят, / А во все колоколют / А про нас с тобой*)⁵, рус. диал. (мордов.) *ударить звон* 'начать обсуждать кого-либо, сплетничать о ком-либо' (*В нашем селе ничего не скроешь, тут же ударют звон, осудят-пересудят*), сев.-двин. *озвони'ть* 'сообщить всем; разнести слух, сплетни', олон. *звона'рить* 'вести долгие, пустые разговоры', пск., твер. *звоню'га* 'сплетница' (все примеры из СРНГ); самар. *звене'ть* 'сплетничать' (*Звянит, звянит про всех. МСПП*) – *На весь свет, понуждаемый Епифанием, раззвонил Аввакум об этом сраме* (Ю. Нагибин); ср. также в имитации диалектной речи в художественном тексте: *Проговорилась-таки... Ну-ко я на всю деревню твою новость шумну... – Да што ты, батюшко, колоколка*

⁵ Ср. общерус. *колоколить* – 1) 'звонить (о колоколе)', 2) 'всем, повсюду объявлять, рассказывать о чём-либо' (перен.) (НСРЯ).

твоя ржавая! Не проговорисси. Сам кажин вечер повадисси, он-ному-то боле перепадёт (А. Иванов).

Примером ассоциации речи с громким, внезапным ударом колокола являются наименования, в которых актуализируется признак, отражающий особенность восприятия слушающим речи собеседника — например, глаголы, именующие **неожиданное событие**, способное ошеломить, встревожить второго участника речи, ср. в говорах: диал. (дон.) **звонить во все звоны** (*со всех колоколен*) ‘поднимать шум, тревогу’ (СДГВО); рус. диал. (мордов.) **как в колокол ударить** ‘ошеломить, привести в замешательство кого-либо неожиданным известием’ (*Сказали мне, что Ванька полюбовницу нашёл, как в колокол ударили*. СРНГ), **бласти’ть во все колокола** ‘говорить повсюду о чём-либо’ (*Ниушть ты ни знал, што Мишкь из дому ушол? Пра этъ ва фсе кълькала бласют*), где **бласти’ть** ‘бить, звонить (о часах, колоколах)’ (СРГРМ) — и в газетном тексте: *На этом фоне в общем-то абстрактных и мало к чему обязывающих самих кандидатов словосочетаний лозунг Мальцева «Долой Аяцкова!» прогремел как вечерной колокол, потрясший всю округу, то бишь Саратовскую губернию* («Богатей», г. Саратов, 13.11.2003). Нельзя не согласиться с К.И. Демидовой, отмечающей, что русских людей, прежде всего диалектоносителей, отличает чувственно-эмоциональный тип восприятия мира и в связи с этим в процессе номинации обращаются внимание на те признаки и реалии, которые человек ощущает на себе [Демидова, 2011, с. 38].

В плане содержания речи в говорах образ колокола актуализирует негативнооценочные признаки таких видов речевого поведения, как **ложь, пустословие**, ср. диал. (дон.) **отзвони’ть** ‘сильно надоест болтовней, пустыми разговорами’ (СДГВО); свердл. **сколоко’лить** ‘соврать, выдумать’ (*Сколоколит и не покраснеет*), перм. **колоко’л** ‘о человеке, болтающем вздор, пустяки; пустослов, пустозвон’ (СРНГ); новг. **балабо’нить** ‘много говорить попусту’ (*Девчонки, хватит вам балабонить зря, дайте кино глядеть*), **балабо’н**, **балабо’ша** ‘болтун, пустослов’ (*Молчи, Игнат, не будь балабошей*. НОС); сиб. **бо’тало базарное** ‘болтун, пустомеля, врун, сплетник’ (ЧРДФ), костром. **бо’тало коровье** ‘болтун, трепач, несерьёзный человек’, где **бо’тало** — ‘колокольчик или шарик на шее домашних животных’ (СГКЗ). Подобная образная семантика проявляется и в литературных текстах, ср.: *Ночевала я у товарки и другую ночь, а вчерашний день, перед обедом, вдруг приходит ко мне бабка и*

говорит: «Ну, ступай на крестины домой, будет тебе по чужим домам-то колоколить, тебе Бог внучка послал» (С. Семёнов)⁶.

Приведённые примеры дают представление о высокой степени варьирования семантики образа как в литературном языке, так и в диалектной речи. При этом охват признаков речи, наблюдаемый в литературном языке, принципиально не отличается от того, что отмечается в говорах разных территорий. Это подводит к выводу о наличии общих направлений осмысления реалии (речи), единых для русского национального языка независимо от его стилистического и территориального варьирования. Нам это представляется когнитивным основанием наличия системных связей в лексике диалектного языка.

Также необходимо отметить, что упомянутый нами метафорический образ колокола распространяется на те признаки речи, которые в основном отрицательно характеризуют говорящего. Столь пристальное внимание к неприглядным особенностям поведения человека (а также недостаткам его внешности, низкому интеллекту и др.) обусловлено ориентацией консервативного диалектного общества на социальные нормы, представления о которых формируются на протяжении многих поколений.

Проведённое нами исследование призвано обозначить безусловную перспективность изучения лексики русских диалектов в когнитивно-семасиологическом аспекте для осмысления различных вопросов как собственно диалектной лексикологии, так и лингвокультурологии, психолингвистики, лингвокогнитивистики, коммуникативной лингвистики и других научных дисциплин.

Литература

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru/new/>.

МСГП – Материалы словаря русских говоров Поволжья // В. А. Малаховский и изучение народных говоров Поволжья: учеб. пособие по русской диалектологии / сост. М. Н. Барабина, О. А. Безуглова, Л. И. Бордунова, Т. Ф. Зиброва. Куйбышев: КГПИ, КГУ, 1991. С. 163–355.

⁶ Другие виды метафор, моделирующих лживую речь и пустословие в лексике народных говоров, описаны нами в работе [Баженов, 2019].

НОС – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН, изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

НСРЯ – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info>.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров: Изд-во ООО «Коннектика», 1996–2008–. Вып. 1–5– (издание продолжается).

СГКЗ – Ганцовская, Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Ин-т лингв. исслед.; КГУ им. Н. А. Некрасова. СПб.: Наука, 2013.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост.: Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой Волгоград: Издатель, 2011.

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: учеб. пособие по рус. диалектологии / Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева; сост.: Большакова Э. С. [и др.]. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1978–2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. Вып. 1–51. М., Л., СПб.: Наука, 1965–2019.

ЧРДФ – Алексеенко, М. А., Литвинникова, О. И., Белоусова, Т. П. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004.

Баженов Н. Ю. Лексико-семантическое поле «Речь» в русских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2019.

Блинова О. И., Юрина, Е. А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.

Вендина Т. И. О регулятивном принципе языка русской традиционной духовной культуры // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 18–32.

Галимова Д. Н. Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области (структурный и функциональный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.

Гапонова Ж. К. Зоометафора в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 166–174.

Демидова К. И. Диалектная лексика в психолингвистическом аспекте (на материале ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных

говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 32–40.

Демидова К. И. Лексическая семантика в региональном аспекте // Вестник Южноурального гос. ун-та. 2014. Т. 11. № 3. С. 35–39.

Ермоленкина Л. И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.

Ибрагимова В. Л., Курбангалеева Г. М. Из наблюдений над тематической группой 'Человек' в русских говорах Башкирии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С. 145–151.

Илюхина Н. А., Кириллова Н. О. Варьирование метафорического образа и его роль в концептуализации денотата // Антропология языка. Anthropology of Language: сб. статей / отв. ред. С. Р. Омельченко. Вып. 2. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 39–61.

Колосько Е. В. Метафорический перенос «растение – человек» в русских народных говорах // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2010. № 1. С. 69–77.

Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты: колл. монография / Н. А. Илюхина, И. А. Долгова, Н. О. Кириллова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016.

Пюльзю Е. А. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте: по материалам севернорусских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008.

Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиознический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

Сомова Ю. Ю. Изучение диалектной метафоры в семантическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. II. С. 179–182.

Фадеев Г. А. Структурно-семантический анализ синонимических отношений глаголов со значением звучания, удара-стука и говорения в говоре Заонежья Медвежьегорского района Карельской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2004.

Яговцева О. А. Антропоцентрические метафоры в диалектной картине мира (на примере говора Исетского района Тюменской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2006.